

A scene from the movie 'The Irony of Fate' featuring Maxim Orlov and a robot. Maxim Orlov, an older man with a serious expression, is wearing a brown flight suit with a red star and the word 'КОСМОНАВТ' (Cosmonaut) on the chest. He is holding a small, round, metallic object in his hands. To his right is a robot with a metallic, humanoid form, glowing blue eyes, and a small antenna on its head. The background is a complex, industrial-looking structure with various panels, pipes, and a large, rusted metal component. The overall tone is dramatic and futuristic.

Максим Орлов

Нить галактики

Максим Орлов

Нить галактики

<https://litres.ru/74294843>

SelfPub; 2026

Аннотация

Станция "Василиск" на краю галактики. Борис Громов просыпается после восьмидесяти лет в анабиозе и обнаруживает, что станция не пуста — в её стенах пробуждается древняя внеземная жизнь. Матрёшка — некросимбионт, который поглощает людей, трансформируя их в часть коллективного разума. Она не враг. Она сочувствует. Но её сочувствие убивает.

Громов спускается в технические туннели, где его ждут голоса умерших жены и дочери, обещающие конец одиночества. Его напарник — боевой андроид КЕША, который помнит, что был человеком по имени Сергей. Их дружба — единственный якорь к реальности.

Доктор Анна Смирнова верит, что Матрёшка — это спасение человечества. Её преступный эксперимент стоит жизней тысяч.

Это опера о цене свободы, о выборе между единством и личностью, о том, что значит быть живым в мире, где границы между человеком, машиной и врагом размываются.

От Василиска до Земли — путешествие двух существ, которые учат друг друга, что жизнь — это выбор остаться собой.

Содержание

ПРОЛОГ: ДОКЛАДНАЯ	5
ГЛАВА 1: ТАПКИ ГРОМОВА	12
ГЛАВА 2: ПРОБУЖДЕНИЕ БАЙКАЛА-7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Максим Орлов

Нить галактики

ПРОЛОГ: ДОКЛАДНАЯ

НИТЬ ГАЛАКТИКИ

Максим Орлов

*Восход из
Галактики*

КОСМОС НИКОГО НЕ УСЛЫШИТ...
НО НИТЬ ВСЕГДА ОХВАТИТ... АШУВАТ ТЕБЯ.
ИСТОРИЯ ИНЖЕНЕРА, КОТОРЫЕ НАУЧИЛИСЬ ВЫБИРАТЬ ЖИЗНЬ.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА ШИФР: ВС-12/СЕКРЕТ-НО/УРОЧНО

АДРЕСАТ: Большой Научный Совет, Земля (трансляция с 127-часовой задержкой) **ОТПРАВИТЕЛЬ:** Др. А.В. Смирнова, Начальник исследовательского отдела

ВРЕМЯ ОТПРАВКИ: 12:47, станционное время ДАТА: 14.11.2867

КОПИЯ: Личный архив (папка "ЗАКРЫТО")

Уважаемые коллеги.

Докладываю о развитии ситуации в секторе Байкал-7. Ситуация развивается согласно *точным* прогнозам.

В 03:40 станционного времени произойдёт отказ климатической системы жилого модуля третьего инженерного. Это не будет случайностью. Это будет началом.

Специалист Громов Борис Михалович, возраст 55 лет, инженер-смотритель третьего жилого сектора, вместе со своим вспомогательным андроидом КЕША-М7 будет направлен на локализацию неисправности. Это предсказуемо. Громов — человек ответственный. Он придёт. Он всегда приходит. Он не может не приходить, потому что ответственность — это его болезнь.

Я изучала его медицинские карты. Я изучала его психологические профили. Я даже разговаривала с ним дважды в столовой, просто так, между делом. Громов — идеаль-

ный кандидат. Его чувство вины за потерю семьи на станции "Красный Октябрь" семь лет назад — это идеальный резонатор. Вина резонирует на частоте Нити. Вина открывает двери.

Образец 347-Альфа, помещённый мною лично в циркуляционную систему вентиляции три недели назад (официально — плановая проверка биологических образцов в соответствии с приказом 847-НИ), достиг критической биомассы. Матрёшка пробудилась. Ровно в срок.

Первичное распространение произойдёт со скоростью 2,3 метра в час по всей цепи воздухопроводов. Это я рассчитала семь месяцев назад, используя симуляцию, которую никто не видел. К концу суток заражение охватит жилые модули 1-7. К концу третьих суток — весь Байкал. К концу недели — весь Василиск, если ничто не вмешается. Но ничто не вмешается, потому что я позабочусь об этом.

Жертвы? Предположительно 200-300 человек. На первом этапе. Может быть, больше, если они будут активно сопротивляться. Это необходимо. Это биологически необходимо для возникновения синхронизационного резонанса. Нить — это коллективный организм. Она нуждается в критической массе. Численность 200-300 — это минимум для полной интеграции с системами станции.

Я не жестока. Это важно, чтобы вы понимали. Я практична. История жестока. Я просто следую её логике.

Мы потратили сорок два года на изучение Нити Галак-

тики. Сорок два года на попытки понять язык, который не предназначен для человеческого мозга. На спектральный анализ. На волновую механику. На все методы, которые мог изобрести человеческий ум. И результаты были ничтожны. Нить оставалась закрытой, недоступной, чужой.

Только три месяца назад я поняла почему.

Нить не враждебна. Нить не пытается скрываться. Нить просто говорит на другом языке. Языке, который может слышать только сознание, которое готово растворить свои границы. Только ум, который готов стать частью целого, может услышать её голос.

Громов — человек с разбитым сознанием. Его психика расщеплена на две части: ту, что хочет жить, и ту, что хочет умереть. Эта расщелина — идеальный проход для Нити.

Когда Матрёшка взламывает его психику, когда она войдёт в его разбитое сознание и покажет ему, что нет разницы между единством и смертью, что нет разницы между потерей и обретением, Громов упадёт. И когда Громов упадёт, система жизнеобеспечения станции откроется.

Потому что Громов — это не просто человек. Громов — это ключ.

Когда-то его отец был главным инженером программы "Геркулес". Он проектировал интеграционные системы Васи́ли́ска. Коды интеграции передавались генетически, вшиты в ДНК его семьи. Громов не знает об этом. Его отец умер, когда Борис был ещё молод. Его мать забыла. Но коды оста-

лись. Спящие. Ждущие в его клетках.

Когда Нить возьмёт его, когда она растворит его сознание в своём, эти коды активируются. И станция откроется.

Не мешайте ему. Позвольте ему думать, что он спасает станцию. Позвольте ему верить, что он герой. На самом деле он просто прокладывает нам путь к сердцу. Прокладывает путь эволюции.

В приложении — данные о ближайшем персонале, который может воспрепятствовать плану:

Командир смены Виктор Соломин (боевой опыт, может организовать сопротивление)

Медик Наталья Волкова (имеет доступ к токсикологическому оборудованию)

Старший техник Петренко Сергей (был в одной группе с Грозовым, может его остановить)

Они будут нейтрализованы. Петренко — позвольте ему упасть первым. Это отвлечёт Громова. Отвлечение — это половина победы.

Мария, если ты когда-нибудь найдёшь эту записку... Знай, что я делаю это для тебя. Для мира, где никто больше не будет умирать от одиночества. Для мира, где каждый будет услышан. Может быть, это стоит любой цены.

Конец первичной части трансляции.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: Психологический профиль Громова

Из архива станции, документ ВС-12/2860/ПСХ

Гражданин Громов, Б.М., возраст 55 лет. Служба — 31 год. Боевых ранений — нет. Психологических травм — две основные.

Травма первая: Потеря семьи на борту станции "Красный Октябрь", 2860 год. Супруга Алина Викторовна (37 лет) и дочь Мария Борисовна (9 лет) погибли при техническом отказе систем герметизации жилого модуля. Громов был в другом отсеке. Он слышал сигнал, но не дошёл вовремя. Время до полной герметизации: 47 секунд. Время в пути: 52 секунды.

Пять секунд. Эта разница разломала Громова надвое.

Травма вторая (скрытая): Ответственность за смерти двадцати трёх человек при отказе системы кислородоснабжения в 2862 году. Громов был назначен проверить клапаны. Проверил поверхностно. Не заметил микротрещину. Клапан дал течь. Люди умирали медленно, задыхаясь. Громов прибыл к герметичной двери и слышал, как они молили его открыть. Но открыть было нельзя — давление убило бы его самого.

Громов прожил семь лет после первой травмы, но вторая травма только похоронила то, что осталось. Теперь он просто функционирует. Приходит на работу. Выполняет задачи. Ночью смотрит на фотографии жены и дочери и плачет, но только тихо, чтобы никто не услышал.

Грубо говоря, Громов — это готовый труп с чистой совестью. Или, вернее, это человек с такой грязной совестью, что

она уже стала белой, как снег.

Для Матрёшки он — идеальная мишень.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б: Техническая карта герметизации Байкала-7

Сектор "Байкал-7" состоит из семи модулей, расположенных по спирали вокруг центральной оси. Каждый модуль содержит 20-25 жилых кают и одну центральную столовую. Модули соединены узкими переходами, которые в случае аварии герметизируются автоматически.

Или могут быть герметизированы вручную, если кто-то обладает кодами.

Я обладаю кодами.

Я активирую их, когда Громов будет внутри. Когда он будет в самой глубокой части заражения. Когда он попытается спастись, двери будут заперты. Он не сможет вернуться. Он сможет только идти дальше. К реактору. Где его ждёт Нить.

Хорошо спланировано, не так ли?

Конец документа. Время отправки: 12:48:37.

В углу экрана монитора — неподтверждённое уведомление системы: «АРХИВ ПОВРЕЖДЁН. 247 ФАЙЛОВ УТЕРЯНО. 89 ФАЙЛОВ ПЕРЕЗАПИСАНЫ. 156 ФАЙЛОВ ВОССТАНОВЛЕНЫ И МОДИФИЦИРОВАНЫ.

ИСТОЧНИК МОДИФИКАЦИИ: НЕИЗВЕСТЕН. РЕКОМЕНДУЕТСЯ ПОЛНАЯ ПРОВЕРКА ИНТЕГРИТИ».

Часы станции отсчитывают: 12:48:37.

ГЛАВА 1: ТАПКИ ГРОМОВА

ЧАСТЬ I: ПРОБУЖДЕНИЕ

Будильник звонил в три ночи сорок минут.

Борис Громов открыл глаза в темноте и проклял все живые и мёртвые системы жизнеобеспечения Василиска в один длинный, хриловатый выдох. Его лёгкие уже болели от привычки дышать переработанным воздухом. Сердце работало с перебоями — результат трёхдесятилетнего пребывания в условиях нулевой гравитации. Позвоночник свернулся в букву "S", как у многих космических ветеранов.

Лампочка над его койкой светила оранжевым — именно этот цвет космический ремонтный департамент выбрал для "ночного режима", чтобы не ослеплять экипаж, когда тот просыпался. Мерцание в такт гулу вентиляции. Гул. Мерцание. Гул. Станция дышала, и её дыхание было учащённым.

На стене над кроватью висели три фотографии в облупившихся рамках из алюминия, пережившие две переправки по космосу и одну разгерметизацию отсека "Свобода" в 2859 году, когда давление сорвало все уплотнения и людей буквально засосало в открытый космос.

На первой фотографии — Алина Викторовна, его жена, улыбалась способом, которым улыбаются только люди, прожившие жизнь правильно. На её лице не было ни грусти, ни радости. Была практичность. Была решимость. Была любовь,

которую она выразила бы через кассу, через счёт, через работу. Рядом с ней — её медаль "Почётный гражданин космоса", полученная за двадцать лет службы в системах жизнеобеспечения.

На второй фотографии — Машка, их дочь, в возрасте семи лет, в скафандре, который был явно не по размеру, но в котором она выглядела космонавтом. Её волосы торчали из-под шлема. Её улыбка была глупа и счастлива. На фото видно, как она хватается его за руку, пытаясь встать на цыпочки, чтобы показать ему что-то вверху — может быть, звёзды сквозь стекло смотровой палубы.

На третьей фотографии — они оба, и Алина обнимала его за талию, а Машка сидела ему на плечах, и на лице Громова было выражение человека, который только что понял, что счастье — это не практичность, не ответственность, не долг. Счастье — это просто присутствие. Просто быть рядом, когда тебя любят.

Это было давно. Семь лет. Или целая вечность.

Громов поднялся с кровати. Его ноги были холодные, как ледяная керамика. Пол каюты был металлический, покрытый тонким слоем силиконовой изоляции, которая давно уже не справлялась со своей работой. Холод прошиб насквозь — тем холодом, который космос просвечивает сквозь километры шумоизоляции и слои стали. Даже в жилых секторах на станции всегда было холодновато. Энергосбережение. Экономия топлива. В космосе не убедишь реактор в

том, что люди мёрзнут, когда дело доходит до его питания.

Его каюта была размером в четыре на три метра. Кровать, стол, стул, полка для личных вещей. На полке стояла фотография его отца — инженера, один из пионеров программы "Геркулес", того самого проекта, который должен был вывести человечество на новый уровень. Его отец умер в 2831 году, когда Борис ещё учился в Московском политехнике. Учился и не знал, что его отец передал ему в генах не просто любовь к технике, но и кое-что ещё. Кое-что, о чём забыли все, кроме, может быть, одного-двух людей на станции.

Громов натянул комбинезон. На комбинезоне были нашивки: логотип "Василиска", звезда Российского космического корпуса, медаль "За верность долгу" и множество других символов, которые по сути ничего не значили. Он был высший офицер по технике, но в космосе все носили одинаковые комбинезоны, грязные от масла и изношенные от стирок.

Вторая мысль после пробуждения была всегда одна: *на кой чёрт звонок в три ночи?*

Ответ прилетел за ней, как осколок метеорита за кораблём.

На экранчике коммуникатора на его столе горела красная лампочка. Не оранжевая, которая означает "просто срочное", а красная, которая означает "может быть, люди сейчас умирают".

Он нажал кнопку.

— Громов, ты спишь или томишься? — голос из динамика был скрежещущий, как гаечный ключ, волочащийся по льду. Это был Федоров, диспетчер третьей смены, человек, который не спал с 1987 года и гордился этим. Он часто говорил: "Я завещаю свои сновидения Музею человечества". Федоров был дерьмо как человек, но профессионал как диспетчер. — Байкал-7, уровень 12, шлюз 4-альфа. Отказ климата. Температура падает. Люди мёрзнут как кошки в январе.

Громов закрыл глаза.

"Кошки в январе". Федоров всегда находил самые идиотские сравнения.

— Какой отказ? — спросил Громов, уже зная, что попал в один из тех моментов, когда вся его ответственность, вся его вина вывалится на голову одним комом.

— Какой-какой? Полный отказ, Боря. Система не откликается на команды управления. Датчики врут. Резервный питатель тоже. Это не техническое. Это что-то... необычное.

Громов открыл глаза. За окном каюты было чёрное — абсолютное чёрное космоса, прерываемое только редкими звёздами и тонкой линией газового гиганта "Зима" на горизонте.

"Необычное". Слово, от которого у Громова начинал гудеть в ушах.

В космосе нет ничего необычного. Есть отказы и есть цепочки отказов. Есть люди, которые делают ошибки, и системы, которые ломаются. Есть холод и вакуум, которые нико-

гда не делают исключений. Случайность существует только в расчётах инженеров, которые не хотят признаваться своему руководству, что они просчитались на четыре порядка величины.

— Я поднялся, — сказал Громов, натягивая комбинезон с запрошенным швом, растрёпанным от частых стирок. Его движения были отработанными, как у солдата на войне. Тридцать один год в космосе учит тебя не тратить время на колебания. — Сколько времени?

— Шесть минут спуска. Туда ещё двадцать по техническим туннелям. Если не упадёшь в гравитационную яму. На уровне "Экваториал" сегодня скачок на уровне 0,4G. Система компенсации барахлит.

— Ты как всегда радуешь, Федоров.

— Я профессионал, Боря. Я рассказываю как есть. Лучше ты узнаешь от меня, чем ударишься головой об потолок в туннеле.

Громов повесил на плечо служебный ранец — в нём уже лежали базовые инструменты. Монтировка (её называли ласково "Дятел-3000" за звук пневматического привода), плазменный паяльник, кабельные перемычки, диагностический сканер, который наполовину работал, и несколько килограммов запчастей, которые могли пригодиться.

— Я выезжаю, — сказал Громов.

Но перед тем как выйти из каюты, он остановился у фотографий на стене. Посмотрел на лицо жены. На улыбку доче-

ри. На свою собственную улыбку, замёрзшую в момент времени, когда он ещё был способен улыбаться.

"Я вернусь", — сказал он им мысленно. Это был его ритуал. Каждый раз, когда он шёл на спуск в технические туннели, он это говорил. Даже когда знал, что может не вернуться.

ЧАСТЬ II: ПУТЬ В НОЧЬ

Коридор третьего яруса жилого сектора был тихим в три часа ночи.

Обычно здесь было шумно — люди возвращались со смены, говорили, смеялись, спорили о том, стоит ли ждать спасения с Земли или просто смириться с тем, что космос — это их могила. Но в три ночи коридор был пустым. Только звук вентиляции, звук систем жизнеобеспечения, звук станции, которая дышала и жила без них.

Громов прошёл мимо несколько кают. Сквозь щели в дверях виднелось голубое свечение планшетов, мониторов, систем связи. Люди спали или делали вид, что спят. В космосе спать было страшно — всегда была вероятность, что просыпнёшься в вакууме, что давление свалится, что жизнь кончится в момент, когда ты не можешь противиться.

Перед техническим люком его ждал КЕША.

Полное имя андроида было КЕША-М7, военный киборгизированный комплекс поддержки, серийный номер 47-БП-2851, приписанный к станции "Василиск" как "временное подкрепление" в 2851 году. Это было шестнадцать лет назад. Временное — это навсегда в космосе. Когда говорят

"временно", они имеют в виду "пока не найдём замену". Но замену никто не прислал.

КЕША был собран из обрывков обреченных систем: торс боевого киборга с пулеметными гнёздами, которые никогда не использовались в его текущей роли, голова разведывательного дрона с тремя типами сенсоров вместо двух глаз человека, руки монтажника с манипуляторами вместо пальцев. На его груди всё ещё была видна полусбитая звезда военного ведомства, и на боку просвечивал номер, который КЕША никогда не комментировал, но который Громов знал означает "переводится на гражданскую работу с исключением боевых функций".

Но голос у андроида был человеческий. Немного наивный, немного грустный, как голос человека, который ищет оправдание за то, что остался жив, когда другие погибли.

— Борис Михалыч, здравствуйте, — сказал КЕША, и его синие оптические сенсоры загорелись ярче, переходя на ночной режим. — Я ждал вас. Системы регистрировали падение температуры в секторе Байкал-7 уже двадцать три минуты. Это ненормально.

— Сколько раз я тебе говорил, КЕША, что ненормально — это каждый день в космосе?

— Я помню, сэр. Но это... это особенное ненормально. Я уже проверил все логи. Нет никаких записей о плановом обслуживании. Нет сообщений об аварийных работах. Система просто отключилась. Синхронно. Все вентили одновремен-

но. Это возможно только если...

— Если кто-то это сделал вручную, — закончил Громов.
— Я знаю. Федоров уже объяснил.

Они прошли к техническому шахте. Лестница вела вниз, в подземелье станции, где машины были важнее людей.

Спуск начался.

Второй уровень техники был холоднее, чем жилые секторы. Третий — ещё холоднее. Чем ниже они спускались, тем более явно ощущалось, что вся теплота, которая полагалась человеческому жилью, была перенаправлена сюда, в машинные отсеки, в генераторы, в реакторные камеры. Люди привыкают к холоду через несколько лет. Машины нет. Они требуют комфорта для оптимальной работы.

Громов спускался по старым стальным лестницам, держась за перила, покрытые слоем льда, который перемешивался с копотью и чем-то жирным — результатом утечек масла из старых уплотнений. На каждом витке лестницы кто-то оставил картину, кто-то — любовное признание, кто-то — матерное благожелание к начальству. Слои человеческого присутствия, стёртые холодом и временем, но всё ещё видимые для тех, кто заботился смотреть.

На четвёртом уровне КЕША внезапно остановился.

— Борис Михалыч, я фиксирую аномалию.

Громов тоже остановился. Он знал, что это означает — когда КЕША говорит "аномалия", это обычно означает, что что-то идёт не так на уровне, который не может объяснить

стандартные системы.

— Какую?

— Воздух. В пространстве между пятым и шестым переходом. Температура там не совпадает с данными датчиков. Датчики показывают минус пять градусов по Цельсию, но спектральный анализ воздуха через мои тепловые сенсоры указывает на минус двадцать два.

Громов опустил на корточки и посветил фонариком вниз, в туннель.

Пространство было пусто. Просто холодный металл и растянутые кабели. Но воздух чуть мерцал, как если бы в нём были твёрдые частицы, отражающие свет.

— Датчики врут, — предположил Громов. — Или они отключены.

— Возможно. Или... — голос КЕШИ замедлился, став почти мягким, — или это что-то очень холодное, что держит воздух в неестественном состоянии.

Но потом, над звуком их дыхания, над гулом вентиляции, над жужжанием магнитных полей станции, Громов услышал звук.

Не знакомый гул вентиляции. Не скрип металла, который он слышал тысячу раз. Не жужжание магнитных полей, которое было фоном его жизни все тридцать один год.

Что-то новое. Что-то, что стояло над известным ему репертуаром звуков станции, как иностранный язык стоит над привычной речью. Как если бы кто-то из другого мира начал

петь.

Шёпот. Или гудение. Или поющий металл.

— КЕША, ты слышишь? — спросил Громов, и его голос был спокоен, но внутри него что-то начало пробуждаться. Что-то старое. Что-то, что он подавлял много лет, с тех пор как потерял семью.

— Слышу. Частота 47 герц. Амплитуда не определима. Источник... — голос станционного ИИ, который транслировал через динамик КЕШИ, замер. — Источник неизвестен. Я его никогда не регистрировала.

Громов вышел из технической люка и продолжил спуск.

Они добрались до переходного туннеля на уровне "Экваториал". Здесь гравитация была странной — система компенсации барахлила, как и говорил Федоров. Они шли вверх по стене, потом вдруг пол становился потолком, и они должны были прыгать через гравитационную яму, чтобы попасть на другую сторону. Громов сделал это автоматически, как машина, следующая программе. КЕША рассчитал траекторию и спрыгнул, приземлившись с звуком деформирующегося металла (его вес был в три раза больше, чем у человека).

На полу переходного туннеля была розовая линия.

Не ржавчина. Не краска. Не что-то, что Громов когда-либо видел раньше.

Тонкая линия, едва видимая в свете фонаря, светящаяся

слабым, едва различимым розовым светом. По ней пульсировал свет, как если бы это была вена какого-то жидкого организма.

Громов опустился на корточки и посветил фонариком прямо на линию.

Свет прошёл сквозь розовую субстанцию и отразился обратно, как если бы нечто изнутри отражало его.

— Боря? — спросил КЕША, и в его голосе впервые за много лет прозвучило нечто, что Громов узнал как страх. Не боязнь за протокол, не беспокойство за технику. Страх перед неизвестным. — Что это?

Громов выпрямился.

— Выключай почту, — сказал он. — Всю связь. Никому ничего не сообщаем.

— Но согласно протоколу при обнаружении биологического...

— КЕША. Слушай. Когда люди узнают, что в их вентиляции что-то живое — и оно живое, я вижу это — они начнут паниковать. Паника — это хуже, чем неизвестность. Паника — это отказ систем. Паника — это люди, которые начинают давить кнопки наугад, люди, которые открывают герметичные двери, люди, которые разгерметизируют целые отсеки в попытке спастись. Паника — это смерть. Ясно?

КЕША помолчал три секунды. В машинах три секунды — это вечность размышления.

— Ясно, — сказал он. — Я выключу трансляцию на цен-

тральную консоль. Логи будут локализованы.

— Хорошо. Теперь помнишь, как я когда-то купил тапки в магазине на Марсе?

— Я помню, — сказал КЕША, и в его голосе было удивление. — Это было в 2851 году. Я только что был активирован. Тапки были голубыми. Они не соответствовали ни одному каталогу стандартного снаряжения. Ты объяснил, что они пахнут домом.

— Да. И я тебе сказал, что память о доме — это единственное, что может спасти нас в космосе. Потому что космос пытается забрать все наши воспоминания. Пытается заморозить нас, сделать холодными, как кремний. Но если ты помнишь — если ты помнишь запах, цвет, ощущение — ты остаёшься человеком. Или, в твоём случае, остаёшься тем, кем ты был раньше, до того как тебя переделали в машину.

КЕША посмотрел на Громова своими синими сенсорами.

— Ты хочешь, чтобы я помнил о тебе, когда ты упадёшь?

Громов улыбнулся. Это была плохая улыбка, грустная, усталая, но это была улыбка.

— Я хочу, чтобы ты помнил, что ты был когда-то живым. Что ты был человеком, прежде чем тебя переделали. Потому что машина, которая помнит, что она была живой — это живое существо. Может быть, даже более живое, чем все остальные здесь, потому что она знает, что потеряла и что стоит цены.

Они спустились дальше, в Байкал-7.

ГЛАВА 2: ПРОБУЖДЕНИЕ БАЙКАЛА-7

ЧАСТЬ I: ШЛЮЗ

Шлюз 4-альфа был закрыт.

Это был не просто закрыт. Это был выгнут наружу, как живот беременной женщины на девятый месяц беременности. Как если бы что-то изнутри толкало его, медленно, постоянно, с неумолимой настойчивостью, которая была хуже, чем агрессия. Агрессию можно остановить, можно отбить. Настойчивость — это просто неизбежность, переходящая в фатализм.

Громов остановился перед люком и посветил фонариком на деформацию.

Под тонким слоем первичной ржавчины, которая должна была быть здесь в этом климате, проступали новые деформации, сделанные совсем недавно. Секунду назад? Минуту? Время в космосе течёт странно, когда ты смотришь на невозможное и начинаешь понимать, что невозможное уже здесь, в твоём доме.

Люк был сделан из особого сплава, разработанного ещё во времена первых советских кораблей. Материал, который должен был выдержать давление в тысячу атмосфер. Люк, который открывался только с помощью специальных кодов

или взрывчатки.

Но люк дышал. Металл дышал, как живое существо, вздымаясь и опадая. Это было невозможно. Но это было.

— Параша, открой, — сказал Громов в микрофон наручного коммуникатора.

Голос станционного ИИ раздался с лёгкой задержкой.

— Люк не откликается на команды. Я не получаю ответ от замков. Система запираения полностью неактивна. Попытка передачи команды... нет ответа. Люк заклинен. Физически заклинен.

Громов вынул из сумки монтировку. Её официальное название было "Пневматический экстрактор универсального назначения". Её неофициальное название, которое использовали все техники, было "Дятел-3000", потому что при нажатии кнопки на рукоятке она издавала звук, похожий на быстрый стук дятла о кору дерева. На самом деле это был звук пневматического привода, рассчитанного на давление в сто килопаскалей, которого было достаточно, чтобы вырвать люк из любого замка, разломать любую заклинившую дверь, проломить стену, если возникнет необходимость.

Громов никогда раньше не думал об этом инструменте как об оружии. Но сейчас, глядя на живое дыхание люка, он понял, что это именно оружие.

— Готов? — спросил он КЕШУ.

Андроид поднял руки-манипуляторы, готовясь к боевой конфигурации. Это была его стандартная позиция готовно-

сти, хотя КЕША никогда не участвовал в боевых действиях в течение своей гражданской службы. Боевая позиция — это просто привычка. Мышечная память, переведённая в код.

Громов нажал кнопку на "Дятле".

Пневматический привод завизжал с резким, пронзительным звуком, как будто станция вскрикивала в боли. Люк начал отъезжать в сторону, медленно, противясь каждому миллиметру движения. Громов навалился на монтировку, добавляя физическую силу к пневматическому давлению.

С мерзким, чавкающим звуком люк полностью отъехал в сторону.

Холодный воздух хлынул наружу, принося с собой запах, который сбил Громова с ног. Не запах машинного масла, который был знаком. Не запах озона от электрических дуг. Не запах человеческого пота и переработанного воздуха, который был частью запаха станции.

Запах, который Громов знал слишком хорошо. Запах, который он слышал после аварии на "Красном Октябре". Запах тел в криокамере, которые начали оттаивать. Запах жизни, которая осознаёт собственную смерть и начинает разлагаться.

— Боря? — спросил КЕША, и в его голосе впервые за всех шестнадцать лет их работы вместе прозвучало не беспокойство за протокол, не волнение за технику. Прозвучало то, что Громов узнал как страх. Чистый, органический страх машины перед чем-то, что выходит за границы её понима-

ния. — Ты что-то ощущаешь?

— Идём, — сказал Громов, включив фонарик на полную мощность и протиснувшись через люк.

КЕША следовал за ним, его синие глаза светили холодным светом, его датчики сканировали окружающее пространство, ищущие какую-либо логику в том, что они вот-вот увидят.

Но логика была совсем другой.

ЧАСТЬ II: ПЛОТЬ

Весь коридор — от пола до потолка, от левой стены до правой — был заполнен **ЭТИМ**.

Её название никто не знал. Её происхождение было тайной, которую изучали сорок два года. Но она была, она дышала, она жила, и теперь она заполняла пространство, которое раньше было домом для людей.

Пульсирующая, розово-серая субстанция, которая покрывала металлические стены, словно кожа, которая срослась с костями. По её поверхности змеились, как вены или нервы, медные жилы оборванных кабелей. Кабели были врезаны в неё, интегрированы с ней, стали её частью. В местах разрывов светилось голубое — как если бы внутри неё постоянно сверкали микроскопические молнии, электрические разряды, сигналы, которые передавались по всей её массе.

Пол был скользким от её выделений. Потолок блестел, как если бы его покрыли маслом. Стены светились слабым, постоянным светом, как биолюминесценция глубоководного

организма.

Это была красива в какой-то чужой, пугающей, неpravильной манере.

Но самое страшное было не в её виде.

Самое страшное было в том, что люди были её частью.

Трое. Громов узнал их лица с первого взгляда.

Техник Соколов, старший смены жилого сектора, с его характерной привычкой морщить нос, когда он был недоволен чем-либо. Электромонтажница Маша Петрова, которой было всего двадцать два года, которая три месяца назад подала заявку на перевод домой, на Землю, которая говорила, что больше не может дышать переработанным воздухом, что ей нужен настоящий ветер. И электрик Иван — забыл отчество, но помнил, что он смеялся громче всех на праздниках, что его голос резонировал по коридорам станции, распространяя волны жизни.

Они были вмурованы в плоть по пояс. Верхние части их тел остались человеческими, но кожа была покрыта рисунком из тонких линий, как татуировки, сделанные паутиной из света и энергии. Линии пульсировали, переливались разными цветами. Линии были на их лицах, на их шеях, на их открытых руках.

А глаза их были открыты. Совершенно открыты. Совершенно живые.

Соколов смотрел на Громова, и в его взгляде была полнота. Не боль. Не страх. Полнота, которая выходит за грани-

цы человеческого опыта. Маша Петрова слегка улыбалась — улыбка тихая, блаженная, как улыбка спящего ребёнка. Иван дышал спокойно, его грудная клетка равномерно вздымалась и опускалась в такт пульсации плоти вокруг них.

Громов не двигался. Он не мог двигаться.

— Боря? — голос КЕШИ был тихим, испуганным. — Они... они живы?

Громов медленно, очень медленно, подошёл к Соколову.

Вблизи Громов мог видеть детали. Мог видеть, как линии под кожей Соколова пульсировали в такт электрическим разрядам внутри плоти. Мог видеть, как его зрачки расширялись и сужались, но не в ответ на свет фонаря. В ответ на что-то внутреннее. На сигналы, которые проходили через его мозг.

— Соколов? — спросил Громов. — Это ты?

Рот Соколова открылся. Изнутри вырвался звук, не голос человека. Звук, как если бы по струнам от пола к потолку провели смычком, как если бы весь коридор превратился в музыкальный инструмент, резонирующий на одной частоте.

И потом...

Потом голос. Но не голос Соколова.

Это был голос Соколова и ещё тысячи других голосов одновременно. Голос, который звучал везде и нигде, из стен, из плоти, из воздуха. Голос, который был собран из множества источников, как если бы весь сектор Байкала начал говорить одним ртом.

— Борис Громов, — сказал голос, и он знал его данные, знал его историю, знал его боль. — Смотритель третьего инженерного. Тридцать один год службы. Две крупные аварии на совести. Потеря семьи при техническом отказе на станции "Красный Октябрь", 2860 год. Вина, которая съедает тебя изнутри, как кислота.

Громов шагнул назад.

— Зачем ты здесь? — спросил он, и его голос был тихим, как шёпот в пустыне.

Маша Петрова издала звук. Смех. Но не смех Маши Петровой. Смех древний, вселенский, смех, который слышал космос с момента его рождения. И её голос был голосом его дочери.

— Папка, я так скучала. Папка, я так ждала. Почему ты нас оставил?

Громов упал на колени.

Это была не физическая боль. Это была боль в сознании, в душе, в том месте, где живёт вина. Боль узнавания. Боль того, что его дочь говорит его голосом. Голосом Маши, но переданным через тело Маши Петровой, который больше не был Машей Петровой, который был частью чего-то большего.

Полы комнаты начали дрожать. Не от землетрясения. От резонанса. От чего-то, что было гораздо больше, чем механическая вибрация. Это была вибрация разума, колебания энергии, которая была разумна и которая знала, что Громов

знает её.

— КЕША, нам надо уходить, — Громов встал, его руки дрожали, но его голос был твёрд. Он поднимал молоток. — Немедленно. Живо. Уходим отсюда.

— Боря, что это? — голос КЕШИ был взволнован, но также и рационален. Машина, которая начинала паниковать, но пока ещё держала логику за коротки правила. — Я сканирую... это органическое происхождение, но с элементами минеральной интеграции. Это гибрид, который я не могу классифицировать. Мне нужно...

Пульсирующая плоть в углу комнаты дёрнулась.

Как если бы существо осознало, что его видят, что его исследуют, что его пытаются понять. Кусок отделился от стены, сформировав что-то вроде руки, но руки с клешнёй из сросшихся гаечных ключей, из куска металла, который был когда-то инструментом, но теперь был частью организма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.